

ГЕРМАНСКОЕ РЕПАРАЦИОННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ ОБОРУДОВАНИЕ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ОРШАНСКОГО ЛЬНОКОМБИНАТА (1945 – НАЧАЛО 1950-Х ГГ.)

П.А. Концевой (Могилев, Беларусь)

После освобождения от немецкой оккупации в БССР развернулся процесс восстановления, разрушенной войной экономики. Весомый вклад в него внесли репарационные поставки, которые осуществлялись в соответствии с решениями Крымской и Потсдамской конференций 1945 г. Они включали в себя промышленное оборудование, демонтированное с германских предприятий, подвижной состав железных дорог, сельскохозяйственную технику, сельскохозяйственных животных и другое имущество. Причем промышленное оборудование составляло значительную часть всех репарационных поставок, полученных БССР. Германское оборудование поступало на предприятия всех двенадцати областей БССР, существовавших на том момент, и города Минска. Одним из таких заводов являлся Оршанский льнокомбинат Министерства текстильной промышленности СССР.

Получение репарационного оборудования белорусскими заводами предполагало его демонтаж с части германских промышленных предприятий и отправку в БССР. 19 апреля 1945 г. было принято решение ГКО СССР № 8189сс по демонтажу в г. Ландеберг бумагопрядильной фабрики «Макс Бар» и о ее отправке на Оршанский льнокомбинат. Для демонтажа этого оборудования 29 апреля 1945 г. в Германию с Оршанского льнокомбината выехала группа специалистов численностью 30 человек (офицеров и сержантов). На фабрику «Макс Бар» они прибыли 6 мая 1945 г. Перед началом демонтажных работ была проведена инвентаризация и уточнены технические характеристики оборудования. По решению ГКО с немецкой фабрики должно было быть демонтировано 1000 технологических единиц оборудования, 16 энергетических единиц и 16 металлорежущих станков. Срок демонтажа был определен до 15 июля 1945 г. [1, л. 6].

Офицерский состав демонтажной команды был закреплен за определенными объектами с задачей выполнить все работы в установленный срок. Инженер-майор Красильников возглавлял техническое руководство работами по демонтажу, упаковке, маркировке кардного и прядильно-приготовительного оборудования; техник-лейтенант Магер – ватерного оборудования; техник-лейтенант Пинзур – ткацко-приготовительного оборудования; старший техник-лейтенант Кириенко и техник-лейтенант Молчанов отвечали за демонтаж ткацких станков; техник-лейтенант Иванов – металлорежущего оборудования, трансмиссий и весового хозяйства; старший техник-лейтенант Смирнов – энергосиловых установок; инженер-майор Хухунув – электроустановок и моторов; старший техник-лейтенант Черноног отвечал занимался упаковкой вспомогательных материалов и готовой продукции. Особое задание поручили старшему технику-лейтенанту Кумылову – он руководил демонтажем сантехнических сооружений.

Демонтажные работы успели завершить в срок – к 15 июля 1945 г. В результате было демонтировано 1081 технологическая единица: 91 ватер; 30 ткацко-приготовительных; 734 ткацких станков; 53 отделочные и швейные машины; 173 единицы карданного и прядильно-приготовленного оборудования. Было демонтировано 16 металлорежущих станков; 5 энергосиловых установок и 581 электромотор. Кроме того, на оршанский льнокомбинат было отправлено 435 тонн метизов и сантехники; 338 тонн сырья, вспомогательных материалов и готовой продукции (в том числе 200 тонн бумаги). Отгрузка в БССР оборудования и материалов была завершена 9 августа 1945 г. Причем первый эшелон для перевозки оборудования был выделен на тринадцать дней позже плана – 18 июля 1945 г. Общее руководство работой по демонтажу и отправкой в БССР бумагопрядильной фабрики «Макс Бар» осуществлял начальник тыла 1-го Белорусского фронта Антипов [1, л. 6–8].

В целом Оршанский льнокомбинат получил 554 вагона со 1636 единицами репарационного оборудования, демонтированного на прядильно-ткацкой фабрике в городе Ланцберг [5, л. 59]. По другим сведениям, 1683 единицы: 173 станка кардного и прядильного приготовления; 91 ватер; 30 единиц ткацко-приготовительного оборудования; 53 отделочных и швейных машин; 16 металлорежущих станков; 5 энергосиловых установок и 581 электродвигатель [1, л. 7]. Интересным фактом является то, что в большинстве советских отчетов того времени электродвигатели учитывались как независимые единицы оборудования, но тут возникает вопрос – эти электродвигатели входили в состав демонтированного и отправленного в СССР оборудования или они демонтировались отдельно с поврежденных станков. И насколько тогда верны сведения об объемах, поступившего репарационного оборудования.

На прибывающие из Германии в счет репараций оборудование и другие материально-технические ценности составлялись акты приемки и сверки с сопроводительными документами. Далее организовывалась комиссия по учету и оценке имущества в составе: руководителя предприятия, специалиста-эксперта, главного бухгалтера и представителя финансового органа [6, л. 320]. Суммы, поступавшие от предприятий, перечислялись банками долгосрочных вложений в доход союзного бюджета по § 44 раздела 12 под наименованием «Поступления от реализации трофейного народнохозяйственного имущества». После оплаты репарационное оборудование учитывалось в объеме капитальных работ на общих основаниях.

Монтаж ремонтного оборудования на Оршанском льнозаводе происходил по мере готовности производственных корпусов. Однако производственные корпуса возводились, в силу различных причин, более медленными темпами, чем первоначально предполагалось, что отрицательно сказывалось на сроках пуска технологического оборудования. Еще одной важной причиной запаздывания со вводом ремонтного оборудования в эксплуатацию была его некомплектность. Причины ее были различными – это и демонтаж уже разуконплектованных станков, кроме того значительную роль в этой проблеме играли и хищение ценных деталей оборудования во время его транспортировки и хранения, а также повреждения важных агрегатов во время разгрузки. Сталкиваясь с такой ситуацией инженерно-технический состав Оршанского льнозавода должен был находить выход из нее, комплектуя станки, отечественными агрегатами, которые в неполной мере подходили для данного оборудования, что в свою очередь приводило к ухудшению технологических свойств станков, а также в ряде случаев к нарушению правил техники безопасности. Например, ввиду отсутствия проектного электрооборудования и электроматериалов, но из-за необходимости развития Оршанского льнокомбината до плановой мощности в установленные сроки его руководство приняло решение комплектовать станки тем электрооборудованием, которое имелось в наличии. Однако здесь возникает вопрос – почему не использовались 581 электродвигатель, полученный по ремонтам, или же этого количества двигателей не хватило для пуска всего необходимого оборудования.

В протоколе технического совещания у директора этого предприятия отмечалось, что 17 прядильных машин «Ферберн» должны были оснащаться 34 электродвигателями закрытого типа, но в силу их отсутствия на станки установили электродвигатели открытого исполнения советского производства модели «Урал». Двигатели «Урал» являлись опасными в пожарном отношении, о чем и отмечалось на совещании, но из-за необходимости пуска оборудования руководство комбината было вынуждено согласиться с установкой не предусмотренных проектом комплектующих. Такие же двигатели «Урал» были смонтированы на 11 прядильных машинах «Бойд». На прядильные машины «Маркс» были установлены 8 финских электродвигателей закрытого типа (возможно также ремонтных, но в источнике нет об этом данных) «плохого качества» и 2 электродвигателя открытого типа неизвестной марки. В другом случае на 12 льночесальных машинах были смонтированы ремонтные электродвигатели закрытого типа, но большей мощности чем предусматривалось проектом [4, л. 8,10]. Таким образом, ремонтное оборудование было пущено в эксплуатацию с рядом отступлений от проекта и укомплектовано по фактическому наличию запасных частей. В перспективе, по мере поступления необходимого электрооборудования, планировалось устранять вынужденные отступления от проекта.

В освоении ремонтного оборудования Оршанском льнокомбинате существовали и другие сложности кроме тех которые были связаны с некомплектностью станков. Среди них можно выделить проблему использования в технологическом процессе сырья и полуфабрикатов не предусмотренных их изначальной конструкцией или переоборудование станков под выпуск продукции отличной от предусмотренной техническими характеристиками. Так, в сведениях «по внедрению новой техники на Оршанском льнокомбинате за 3-й квартал 1947 г.» присутствуют интересные факты по данному вопросу. Во-первых, на пряхити были переоборудованы под кардельную пряжу «обыкновенные» ватера «Ферберн» (в количестве пяти сторонки), изначально не предназначенных для такой пряжи. Параллельно приводятся данные о пуске в работу и освоении кольцевых ватереров «Бойд» (в количестве шести сторонки, 480 веретен), вырабатывающих уточную кардельную пряжу [2, л. 43]. Таким образом, для Оршанского льнокомбината был нужен определенный тип ватера – машины предназначенной для мокрого прядения льна, который вырабатывал бы кардельную пряжу. Однако по ремонтам было поставлено то оборудование, которое находилось на демонтируемом германском предприятии. В силу этого технической службе комбината пришлось переоборудовать имеющиеся станки под выпуск необходимой продукции.

Во-вторых, в этом же документе приводятся данные об освоении на Оршанском льнокомбинате в сентябре 1947 г. резки на машинах фирмы «Гобель» отечественной бумаги марки ПНК и определении ее прядильных свойств [2, л. 43]. То есть предприятиям приходилось проводить исследовательские работы на предмет пригодности отечественного сырья для использования в ремонтном оборудовании. Несмотря на возникавшие трудности коллектив Оршанского льнозавода смог оперативно освоить ремонтное оборудование, и оно стало основой станочного парка предприятия в 1945 – начале 1950-х гг.

Следует также указать, что часть ремонтного оборудования, было излишним для данного предприятия. Оно впоследствии было передано другим заводам, а наиболее изношенное и технически устаревшее было списано. На Оршанском льнокомбинате на 1 ноября 1950 г. имелось 14 единиц излишнего ремонтного оборудования. Среди него насчитывалось пять ленточных машин первого перегона, четыре из них были выпущены фирмой «Ферберн» в 1904 г., а одна фирмой «Мекки» в 1908 г.; две ленточные машины второго перегона фирмы «Мекки» 1908 г.; семь грубо-чесальных машин фирм «Ферберн», «Мекки» и «Ком-Барбург» 1904 г. Все эти машины находились в полной комплектации, но их износ составлял 45-50 % [3, л. 13].

Таким образом, промышленное оборудование, поставленное по ремонтам на Оршанский льнокомбинат, составляло в 1945 – начале 1950-х гг. значительную часть станочного парка предприятия. По нашему мнению,

репарационное оборудование сыграло роль своеобразного «стартового капитала» на начальном этапе восстановления данного предприятия. Оно позволило в кратчайшие сроки приступить к выпуску готовой продукции. Однако наряду с положительной стороной данного вопроса имели место факты поступления некомплектного и морально устаревшего репарационного оборудования. Вместе с тем использование в ходе восстановления Оршанского льнокомбината, а также других промышленных предприятий БССР пусть и частично изношенного, устаревшего, но работоспособного, а в некоторых случаях и относительно высокотехнологичного репарационного оборудования способствовало не только ускорению восстановления, разрушенной войной отечественной промышленности, но и способствовало дальнейшему ее развитию с последующим превращением Беларуси в один из наиболее промышленно развитых регионов СССР.

1. Зональный государственный архив в г. Орше (ЗГАО). – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 9.
2. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 34.
3. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 98.
4. ЗГАО. – Фонд 1347. – Оп. 1. – Д. 105.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 58.
6. НАРБ. – Фонд 93. – Оп. 9. – Д. 1048.

ПОСЛЕВОЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ПАМЯТИ ЖИТЕЛЕЙ ШАРКОВЩИНЫ

А.В. Губский, Е.В. Сумко (Полоцк, Беларусь)

В тексте представлены результаты исследования, проведённого на территории Шарковщинского района Витебской области. В межвоенный период эта территория входила в состав Польской республики. Воспоминания о послевоенной действительности жителей Шарковщины имеют свою специфику. Возвращение к мирной жизни проходило на фоне не только преодоления послевоенной разрухи, но и продолжающейся советизации региона. Воспоминания содержат не подробный линейный рассказ, а эпизоды, сильнее всего повлиявшие на жизнь рассказчика (преимущественно интервьюируемые родились в конце 1920-х – 1930-х годах). Особое место в этих воспоминаниях занимает коллективизация, которая коренным образом изменила уклад жизни людей. Сюжеты о послевоенной коллективизации позволяют детализировать события, которые происходили в Шарковщине в тот период.

Шарковщина была освобождена в начале июля 1944 года в ходе Полоцкой операции. За годы оккупации в Шарковщинском районе погибло 2 027 мирных жителей, уничтожено 23 деревни [7, с. 198]. Сразу после освобождения района от нацистских войск жители приступили к восстановительным работам: «Калі кончылася вайна, тыя хто застаўся ў жывых сталі вяртацца на сваі папялішчы: хто з лесу, а хто з фронту. За гады тры-чатыры пабудавалі хаты, свірны, нагадалі жывёлы» [3]. С 1944 по 1949 год, в условиях послевоенной разрухи, власти не форсировали политику коллективизации и основой сельского хозяйства в регионе были единоличные хозяйства. Постепенно возрождалась советская властная вертикаль. В район направлялись специалисты разных уровней со всей республики. На руководящие должности преимущественно выдвигались местные активисты, бывшие партизаны и подпольщики. Кадровые назначения того времени среди населения отложились в памяти следующим образом: «Ставілі председателем калхоза не таго ў каго 100 га зямлі, 4 коней, каровы, а ставілі пастуха, які не мог каня запрагчы. Ну, а тады сталі з Вастока прыязджаць» [3].

В феврале 1949 года XIX съезд КПБ взял курс на проведение сплошной коллективизации в Западной Беларуси. Воспоминания жителей Шарковщины свидетельствуют, о том, что ускоренная послевоенная коллективизация для большинства была очень болезненной. По рассказам, в первую очередь, в колхозы вступали малоземельные или безземельные крестьяне. Например, Батурунок Гордей Владимирович, житель деревни Жуковщина, вспоминал, что люди, у которых была земля, не хотели добровольно вступать в колхозы. Созданию колхозов, как правило, предшествовала агитационно-пропагандистская работа, направленная на убеждение крестьян в преимуществах коллективного хозяйства перед индивидуальным: «Собирали в одном доме вечерами, часто в присутствии прокурора или участкового, и рассказывали про “счастливую” жизнь в колхозе. Говорили, что заберут землю у богатых в колхоз и всем будет жить хорошо». Если это не действовало, то затем переходили к угрозам конфисковать имущество и сослать на дальний Восток. «Вскоре сделали землю общей, оставили только несколько соток огорода. Все хозяйственное имущество забрали: упряжку, колёса, инвентарь, коней и зерно. Оставили только немного на посев и разрешили последний раз убрать с поля урожай. Мелкую живность не забирали: кур, уток, коз, овец» [1].

Воспоминания фиксируют факт того, что принцип добровольности при организации колхозов не всегда обеспечивался: «Вот пришёл приказ сверху, о том, чтобы создавать колхозы. Приказ был таков - в первую очередь отдать коней. Лишние постройки забрать. Так же отнимали скотину. Если было 2 коровы, забирали одну. Нужно было сдать зерна столько, сколько имеешь земли. Мы зерно отдавали, но часть родители прятали, закапывали в землю, чтоб кормить нас, детей (5 штук)» [4].